

поколебимую законность, свободу личности и общественной инициативы. Весьма знаменательным признаком времени является то, что не только изменилось общее направление цензурного ведомства, но встретились отдельные цензоры, которые, изъя-за сочувствия к свободному слову, рисковали свою службу карьерою. «Рус. Вестник» имел такого цензора-друга в лице Н. Ф. Крузе. «Русский Вестник» становится и центром «обличительной» беллетристики, начало которой положило именно здесь, в 1856 г., Салтыковь-Щедринь, своим «Губернским очерками», сразу выдвинувшими автора в первые ряды литературы. Чтобы понять то глубокое наслаждение, с которым читались тогда «Губернские очерки», надо вспомнить всю безмерность злоупотреблений дореформенной эпохи — и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть въ виду, что въ возможности гласного обличенія этихъ злоупотреблений всѣ радостно усматривали похороны старыхъ порядковъ и старого бесправія. Необычайный успѣхъ «Губернскихъ очерковъ» создалъ цѣлый рядъ повѣстей въ «щедринскомъ» родѣ. Изъ нихъ наибольшее вниманіе обратили на себя «Старые годы» Мельникова-Печерского, «Откупное дѣло» Елагина, и разсказы Н. В. Селиванова. Выработана даже оригинальный типъ «литератора-обывателья», исключительно въ «гражданскихъ» цѣляхъ публикующаго результаты своихъ наблюдений. То же стремленіе не столько доставить эстетическое удовольствіе, сколько принести «пользу», легко въ основу тѣкъ называя «гражданскихъ мотивовъ», постепенно завладѣвающихъ стихотворнымъ отдельномъ журналистикѣ и имѣющихъ затѣмъ большой успѣхъ въ отдельныхъ изданіяхъ. Характерно стороной «гражданской» поэзіи второй половины 50-хъ годовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ яркимъ выражениемъ однородности настроения эпохи служить то, что наиболѣе замѣтными представителями ея были отнюдь не «либералы». Первыми отозвались въ стихахъ на новое настроение Розенгеймъ и Бенедиктовъ, оба совершенно чужды какихъ-бы то ни было связей съ передовымъ лагеремъ. Принципиально къ «гражданской» поэзіи Некрасова (какъ это дѣлается иногда) — большая ошибка: по источникамъ вдохновенія «муза мести и печали» не имѣла ничего общаго съ банальными стихотвореніями Бенедиктова и Розенгейма. Суровая поэзія Некрасова была выражениемъ того глубокаго стремленія къ созданию нового стояния жизни и духа, который охватилъ лучшіе наши кружки начиная съ 40-хъ годовъ, между тѣмъ какъ Бенедиктовъ, Розенгеймъ и другіе «обличали» и взывали къ «гражданскимъ» чувствамъ потому, что это было разрешено и даже официально одобрено. Пустозвонностью отзывался въ значительной степени и обличительный театръ конца 50-хъ годовъ; исклученіе и тутъ приходится сдѣлать для крупнаго писателя — Островского («Доходное мѣсто»). «Чиновникъ» гр. Соллогуба, въ которомъ герой патетически восклицаетъ: «крикнемъ на всю Русь, что пришла пора вырвать зло съ корнями», имѣлъ шумный успѣхъ на сценѣ; но это свидѣтельствовало только о

настроении общества, жадно ловившаго всякий намекъ на обновление отжившаго строя. Люди, умѣвшіе разбираться въ литературныхъ явленіяхъ, тогда же видѣли внутреннюю фальшиву и фразерство «Чиновника»; Н. Ф. Шавловъ помѣстилъ въ «Русскомъ Вѣстнике» блестящую и юкую критическую статью о пьесѣ гр. Соллогуба. Изъ другихъ драматурговъ обличительной эпохи имѣли еще успѣхъ Н. М. Львовъ, авторъ комедіи «Свѣтъ не безъ добрыхъ людей», и особенно Алексѣй Шотѣхинъ, обратившій на себя вниманіе также романами и повѣстями, изображавшими борьбу старыхъ и новыхъ понятій. Общее оживленіе охватило и сферы, съ идеяными возбужденіями обыкновенно ничего общаго не имѣющія. Къ числу самыхъ чуткихъ журналовъ того времени принадлежалъ «Морской Сборникъ». Объясняется это тѣмъ, что стоявшій во главѣ морского вѣдомства вел. князь Константина Николаевича былъ однѣмъ изъ наиболѣе горячихъ поборниковъ реформъ, и такъ какъ общей цензурѣ «Морской Сборникъ» не подлежалъ, то онъ и пользовался гораздо большей свободой, чѣмъ другие органы печати. Первымъ обличеніемъ злоупотреблений, обнаружившихся во время войны, появились въ «Морскомъ Сборнике»; здѣсь же были напечатаны первыя статьи о судебной реформѣ. Наибольшее впечатлѣніе произвели «Вопросы Жизни» Пирогова, появившиеся на страницахъ «Морского Сборника» въ 1856 г. Пироговъ возставалъ противъ обычай ссызмала приготовлять ребенка къ специальной дѣятельности: истинная задача педагоги — воспитать человека, который, усвоивъ себѣ основы общечеловѣческой культуры, пусть и избираетъ самъ, по желанію и способности, ту или другую специальность. Въ томъ же «Морскомъ Сборнике» появляется рядъ статей о воспитаніи — Бѣма, Даля, пастора Зедергольма, встрѣтившихъ самый сочувственный отзвукъ въ другъ журналахъ. Все это привело къ большому оживленію въ учебномъ дѣлѣ. Университеты широко раскрываютъ двери всѣмъ желающимъ, не исключая и женщинъ; профессора читаютъ публичныя лекціи, привлекающія множество слушателей; въ студенчествѣ пробуждается страстный интересъ къ общественной жизни.

Система довѣрія къ общественнымъ силамъ и совпадающей съ нею періодъ общественного единодушія въ стремленіи къ реформамъ длился, однако, очень недолго. Послѣ появленія въ 1857 г. рескрипта на имя виленского генерал-губернатора, возвещавшаго близость уничтоженія крѣпостного права, появляются стремленія затормозить реформу или съузить ее рамки. Сторонники этихъ стремленій не имѣли сколько-нибудь серьезного представительства въ литературѣ, но были сильны своими связями и по временамъ достигали того, что печать была стѣсняема въ обсужденіи реформы. Эти неожиданные стѣсненія, которыхъ какъ бы указывали на колебание въ реформаторскомъ настроеніи, заставляли тѣснѣе спа-циваться людей, не знавшихъ колебанія. Вотъ почему уже въ концѣ 50-хъ годовъ обозначаются первые признаки борьбы міросозерца-

ній и поколѣній. Это былъ органическій процессъ, вызванный не однѣмъ только измѣненіемъ вѣнчаний обстоятельствъ. Какъ во всякую эпоху коренныхъ переломовъ, изъ общаго хора первоначально умѣреныхъ требованій начинаютъ выдѣляться болѣе рѣшительные стремленія. Открытой борьбы между умѣренными и радикальными элементами еще нѣтъ, но радикальное настроение растетъ. Усиливается рознь между умѣренно-прогрессивными «отцами», людьми сороковыхъ годовъ, помнющими суровость только-что завершившейся эпохи и потому доволившими сѧ сравниительно немногими — и бурно отрицающими все старое «дѣтами», которые о прошедшемъ судятъ не по непосредственному впечатлѣнію, а больше по рассказамъ. Центромъ радикального настроения въ концѣ пятидесятыхъ годовъ становится «Современникъ», въ лице главныхъ своихъ теоретиковъ — Чернышевскаго и Добролюбова. Н. Г. Чернышевскій (1828—89) былъ человѣкъ чрезвычайно разнообразныхъ знаній. Онъ оставилъ яркий следъ въ критикѣ, философіи, публицистикѣ, политической экономіи. Какъ мыслитель, онъ былъ врагъ всего неяснаго и большоѣ всѣхъ содѣйствовалъ переходу отъ туманной философіи 40-хъ годовъ къ научно-позитивному міросозерцанію. Какъ политіко-экономъ, онъ укрѣпилъ и обострилъ то отрицательное отношение къ буржуазному строю, которое началось еще въ 40-хъ годахъ, но затѣмъ замерло подъ вліяніемъ реакціи. Какъ публицистъ и полемистъ, онъ выработалъ тотъ особый типъ журнальныхъ статей, который состоитъ въ томъ, что научно-философскія темы берутся не какъ предметъ специального изслѣдованія, а только въ общихъ своихъ очерченіяхъ, съ непосредственнымъ приложениемъ къ вопросамъ времени. Какъ критикъ и эстетикъ, Чернышевскій въ своей диссертации: «Эстетическое отношеніе искусства къ дѣйствительности» (1855) выдвинулъ теорію подчиненія искусства требованиямъ жизни. Этотъ утилитарный взглядъ былъ не продолженъ, а отклоненъ отъ традицій Бѣлинскаго, хотя именно Чернышевскій и положилъ начало культурѣ великаго искателя истинъ, союзникомъ которыхъ были Н. А. Добролюбовъ (1836—61), скоро ставший во главѣ критического отдача «Современника». Подобно чрезвычайно-мягкому въ личной жизни Чернышевскому, и Добролюбовъ талилъ въ своей душѣ неисчерпаемый запасъ нѣжности и мягкости, ярко выступающей въ его интимной жизни; но въ общественной дѣятельности онъ былъ безпощаденъ и рѣзокъ. Глубоко преданный идеѣ дѣйствительного прогресса, онъ не выносилъ парадированія прогрессивностью; бахчальные «воли о правдѣ, гласности, взяткахъ, свободѣ торговли, вредѣ откуповъ, гнусности угнетенія и пр.» его крайне раздражали. Въ «Свѣтѣ» — сатирическомъ приложеніи къ «Современнику» — онъ далъ полную волю своему тонкому остроумію и пронзительной демаркаціонной линіи между

людьми либеральничающими, потому что это дозволено, и людьми, для которыхъ свобода общественной жизни составляетъ лозунгъ всѣхъ духовныхъ стремленій. Совершенно невѣрно представление о Добролюбовѣ, какъ о разрушителѣ по преимуществу. Кто, какъ не онъ, создалъ Островскому настоящую, всероссийскую славу, которую были бессильны ему доставить ближайшие литературные друзья изъ «Москвитяниновъ»? Кто краснорѣчивѣ его комментировалъ «Обломова»? Несправедливо также усматриваются въ Добролюбовѣ «разрушитель эстетики» и упразднителя искусства. Онъ является не провозвѣстникомъ публицистического искусства, а основателемъ публицистической критики. Съ него начинается та полоса русской критики, не закончившаяся и понынѣ, когда литературное произведеніе оцѣнивается по преимуществу какъ факторъ прогресса или регресса. Статьи Добролюбова какъ будто трактовали о Тургеневѣ, Островскому, Гончаровѣ, а на самомъ дѣлѣ это были лирические манифести нового міросозерцанія. Въ исторіи русской литературы нѣтъ периода, равнаго по интенсивности творчества конца 50-хъ и началу 60-хъ годовъ. Помимо появленія въ свѣтѣ лучшихъ произведений С. Т. Аксакова («Семейная Хроника» и «Воспоминанія»), по возрасту и развитию принадлежащаго къ другой эпохѣ, къ этому времени относится созреваніе, а отчасти и нарожденіе цѣлой фаланги великихъ талантовъ. «Рудинъ», «Дворянское Гнѣздо», «Наканунѣ», «Оцы и дѣти», «Обломовъ», «Гроза», «Губернские очерки», «Тысяча душъ», «Горькая судьбина», «Записки изъ Мертваго дома», «Севастопольскіе разсказы» — весь этотъ фундаментъ храма славы новѣйшаго русского романа и русской драмы создался въ первые годы новой эпохи. Знаменательно, что даже въ жизни представителей такъ наз. «чистой» поэзіи — Майкова, Полонскаго, Фета — конецъ 50-хъ годовъ былъ эпохой расцвѣта таланта. Некрасовъ изъ автора нѣсколькихъ хорошихъ стихотвореній превращается въ крупнаго поэта, въ чье слово котораго воспитываетъ рядъ поколѣній въ любви къ обездоленнымъ и неимущимъ. Въ общемъ получается картина небывалаго литературного оживленія. Тѣсная связь его съ оживленіемъ общественно-политическимъ всего ярче, однако, оказывается не въ появленіи цѣлаго ряда высокихъ произведений, а въ той по преимуществу общественной окраскѣ, которая отныне становится одною изъ основныхъ чертъ нашей литературы. Если и прежде наша литература не замыкалась въ сферахъ чисто-художественныхъ интересовъ и всегда была каѳедрой, съ которой раздавалась безпощаднѣй и рѣзокъ. Глубоко преданный идеѣ дѣйствительного прогресса, онъ не выносилъ парадированія прогрессивностью; бахчальные «воли о правдѣ, гласности, взяткахъ, свободѣ торговли, вредѣ откуповъ, гнусности угнетенія и пр.» его крайне раздражали. Въ «Свѣтѣ» — сатирическомъ приложеніи къ «Современнику» — онъ далъ полную волю своему тонкому остроумію и пронзительной демаркаціонной линіи между

кихъ художниковъ всемирной литературы, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ собою образецъ самого тѣснаго взаимодѣйствія литературы и общественной жизни. Въ общемъ съ Бѣлинскимъ онъ выработалъ себѣ весьма опредѣленное общественное міросозерцаніе. Въ «Запискахъ охотника» онъ выполнилъ Анибаловскую клятву своей молодости—бороться съ крѣпостнымъ правомъ; въ меланхолическихъ произведеніяхъ первой половины 50-хъ гг. онъ отразилъ общую подавленность тѣжелой эпохи; теперь онъ возбужденно отдастся воплощенію въ художественныхъ образахъ новыхъ общественныхъ настроений и теченій. Творческое чутѣе тянетъ его къ подведенію итоговъ прошлаго поколѣнія и къ гаданію о близкому будущемъ. Олицетвореніе вынужденной бездѣятельности 40-хъ годовъ, Рудинъ («Рудинъ», 1856), умираетъ за чужое дѣло; неприспособленный къ активной роли въ жизни Лаврецкій («Дворянское гнѣздо», 1859) добровольно очищаетъ мѣсто и съ грустью, но безъ горечи, благословляетъ молодыхъ, грядущія силы. Въ «Наканунѣ» (1860) эти молодыя силы впервые выступаютъ на арену общественной жизни, а въ «Отцахъ и дѣтихъ» (1862) начинается пора открытой борьбы двухъ поколѣній. Названные четыре произведенія, образующія, вмѣстѣ съ отразившими настроеніе сороковыхъ годовъ «Записками Охотника», основаніе значенія Тургенева, представляютъ собою наиболѣе яркое проявленіе одной изъ самыхъ характерныхъ особенностей новѣйшей русской литературы—сближенія литературы и жизни. Всѣдѣствіе удивительной способности придавать еще неопредѣлившемуся опредѣленная очертанія, едва зарождающееся кристализовать въ ясныхъ художественныхъ образахъ, произведеніе Тургенева явилось могущественнымъ факторомъ выработки новыхъ общественныхъ теченій. Романами Тургенева не только зачитывались—его героями и героями подражали въ жизни: всякая дѣвушка воображала себя Еленой, поль-поколѣнія захотѣло стать Базаровыми. Не менѣе крупную роль, хотя совершенно иного свойства, сыграло другое подведеніе итоговъ—«Обломовъ» (1859), И. А. Gonчарова (1812—91). Для насъ въ знаменитѣмъ романѣ больше всего интересна бытоваая сторона его—изображеніе жизни въ Обломовкѣ и другія картины «правовъ»; но въ моментъ появления «Обломова» тайна его колosalнаго успѣха лежала не въ эпическихъ его достоинствахъ. Нужна была кличка для обозначенія дoreформенной инертности и косности—она быстро вошла во всеобщій обиходъ, какъ только Добролюбовъ ее формулировалъ въ своей знаменитой статьѣ: «Что такое Обломовщина». По свидѣтельству современниковъ, всякий усматривалъ въ себѣ элементы «Обломовщины»; всѣмъ казалось, что найдено объясненіе несовершенствъ нашего общественного строя. Такимъ-то образомъ пріобрѣлъ широкую популярность писатель, по общему складу своего духовнаго существа всѣго менѣе склонный къ тому, чтобы стать писателемъ-проповѣдникомъ. Онъ уловилъ «моментъ»—и его произведеніе явилось, помимо

его творческихъ намѣреній, однимъ изъ сильнейшихъ ферментовъ нового настроенія. Въ эти же послѣдніе дни мира достигъ высшей точки своей известности А. Ф. Писемскій (1820—81), напечатавшій въ 1858 и 1859 гг. лучшія свои вещи—романъ «Тысячу душъ» и драму «Горская судьбина». Въ «Тысячу душъ» Писемскій, въ лицѣ Калиновича, вывелъ администратора нового типа, искренно задающагося цѣлью содѣйствовать искорененію старыхъ непорядковъ. Герой Писемскаго купилъ свою порядочность дорогою цѣною тяжелыхъ страданій и внутренняго перерожденія. Чисто-литературный интересъ произведенія—въ томъ, что перерожденіе это психологически вполнѣ подготовлено и потому художественно правдиво. «Тысячу душъ» Писемскій занялъ одно изъ крупныхъ мѣстъ въ исторіи русского общественного романа—и это особенно характерно, такъ какъ до тѣхъ поръ онъ считался человѣкомъ чисто физиологического таланта, творившаго, не занимавшись никакими идеяными проблемами. Еще менѣе, казалось бы, подходилъ къ роли выразителя новыхъ общественныхъ теченій недавній столъ полу-славянофильской «молодой редакціи Москвитянинъ», крупнѣйшій драматургъ новѣйшей русской литературы—А. Н. Островскій (1823—86). А между тѣмъ въ какой яркой формѣ выразилась эта перемѣна! Онъ пишетъ «Доходное мѣсто» (1856), «Воспитанницу» (1859), «Грозу» (1860), которыхъ, помимо всѣхъ комментаріевъ, совершенно опредѣленно примыкаютъ къ новымъ вѣніямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ его предыдущая дѣятельность получаетъ совершенно новое tolkowanie: его даль Добролюбовъ, въ одной изъ тѣхъ составляющихъ эпоху статей, которая сразу и навсегда устанавливала значение и смыслъ дѣятельности того или другого писателя. Въ «Темномъ Царствѣ» Добролюбова выясняено значеніе Островскаго какъ писателя исклучительно гуманнаго, гуманнаго безъ всякихъ заднихъ мыслей, безъ всякаго тенденціонаго желанія прославлять «истинно-русскія» начала жизни, будто бы сохранившіяся въ патріархальномъ быту московскаго купечества. И въ появившемся послѣ «Темного Царства» лучшемъ произведеніи Островскаго—«Грозѣ»—всѣ уже единодушно усмотрѣли только одну потрясающую картину дикаго самодурства, хотя и въ достаточной степени «истинно-русскую». Изъ второстепенныхъ выразителей общественнаго «момента» второй половины 50-хъ годовъ большой успѣхъ выпалъ на долю М. В. Авдѣева (1821—1876). Въ воздухѣ носились новые представленія о семейныхъ отношеніяхъ, въ крайнемъ своемъ развитіи создавшія въ 60-хъ годахъ теорію такъ называемаго «гражданскаго брака». Ихъ и отразилъ, отчасти, Авдѣевъ, въ своемъ романѣ «Подводный камень» (1860). Благотворно подѣйствовалъ общий подъемъ русской жизни и на талантъ лучшихъ представителей поэзіи. О какомъ-бы то ни было гоненіи на поэзію тогда не было еще и рѣчи. Хотя Чернышевскій и провозгласилъ уже теорію подчиненія искусства жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ въ высшей степени почтилъально относился къ воплощенію русской по-

зіи—Пушкину. Добролюбовъ не только тонко понималъ поэзію, но и самъ былъ человѣкъ съ истинно поэтическою жилкой; кроме цѣлаго ряда остроумныхъ пьесъ въ «Свистѣ», онъ написалъ нѣсколько прекрасныхъ лирическихъ стихотвореній. «Гражданскую» поэзію Розентѣмовъ и Бенедиктовыхъ онъ поднялъ на смѣхъ столько-же за ея мелкоту, сколько за прозаичность. При такомъ настроеніи вождѣи движения въ полномъ душевномъ равновѣсіи доживаются послѣдніе дни почета поэтической плеяды, на которую чрезъ нѣсколько два поэта небольшого, но изящнаго таланта—Мей и Щербина,—выступившіе въ началѣ 50-хъ годовъ и въ эпоху писаревскаго гоненія на поэзію тоже причисленные къ школѣ «чистаго искусства». Это до извѣстной степени правильно по отношению къ незлобивому Мею, но далеко не точно по отношению къ Щербинѣ. Запечатлѣвъ память о себѣ въ истории русской поэзіи «Греческими мелодіями» (1850), посвященными культу античной красоты, онъ является вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ самыхъ злыхъ и желчныхъ эпиграмматистовъ нашихъ. Большая часть его эпиграммъ направлена противъ радикальныхъ стремлений; но жертвой его извѣтнаго остроумія часто являлись и люди того лагеря, къ которому онъ самъ принадлежалъ. Изъ другихъ поэтовъ школы «чистаго искусства» во второй половинѣ 50-хъ годовъ получаетъ извѣстность гр. Алексѣй Толстой (1817—75). Расцвѣтъ его дѣятельности падаетъ на 60-ые годы, когда онъ написалъ свою драматическую трилогию и исторический романъ «Князь Серебряный». Трилогія отводитъ Толстому одно изъ первыхъ мѣстъ въ русской исторической драмѣ; романъ его богатъ только вѣнчнимъ интересомъ. На значеніе Толстого какъ лирика и эпика (историческая балады въ старорусскомъ стилѣ) существуютъ два взгляда: однимъ онъ кажется поэтомъ очень большой силы, другое находить его вычурнымъ и неестественно-наряднымъ. Всепѣло принадлежитъ второй половинѣ 50-хъ годовъ безотрадная поэзія И. С. Никитина (1824—61). Въ противоположность мажорному тону его знаменитаго земляка, Кольцова, лира Никитина настроена очень минорно: онъ рисуетъ грубость, невѣжество, эксплуатацию сильныхъ слабаго. И это не было въ немъ результатомъ напускныхъ «гражданскихъ» чувствъ, а вѣрнымъ отражениемъ его собственныхъ наблюдений. Въ грусти его нѣть ничего худульного; знаменитая элегія: «Вырыта заступомъ яма глубокая» принадлежитъ къ трогательнѣйшимъ стихотвореніямъ всей русской поэзіи. Искренность чувства доставила теперь успѣхъ и поэзіи Ю. Жадовской, въ сороковыхъ годахъ довольно сурово встрѣченной Бѣлинскимъ. Къ рассматриваемой эпохѣ относится также появление цѣлаго ряда поэтовъ-юмористовъ и представителей легкой сатиры. Собственно родоначальникомъ юмористического стихотворства слѣдуетъ считать коллективное поэтическое лицо Кузьмы Пруткова, стихотворенія которого относятся къ концу дoreформенной эпохи («Современникъ», 1854). Нѣкоторое участіе принимали въ ихъ сочиненіяхъ Некрасовъ и Алексѣй Толстой, главно—В. и А. М. Жемчужниковы, изъ которыхъ послѣдній до сихъ поръ является бодрымъ поэтомъ-гражданиномъ. Изъ выступающихъ въ концѣ 50-хъ годовъ поэтовъ-юмористовъ особенно выдается переводчикъ Беранже и основатель сатирической газеты «Искра» (1859), В. С. Курочкинъ. «Искра» зорко

слѣдила за общественной жизнью и неумолимо обличала всякую пошлость. Изъ ея сотрудниковъ Д. Д. Минасъ обладалъ легкимъ и бойкимъ стихомъ, а П. И. Вайнбергъ составилъ себѣ впослѣдствіи почетную извѣстность какъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ переводчиковъ иностранныхъ поэтовъ—Гейне, Шекспира и многихъ другихъ. Высоко-литературными достоинствами обладаютъ также переводы М. И. Михайлова, въ 1862 г. арестованного за составленіе прокламаціи и вскорѣ умершаго въ Сибири.

Реакція и эпоха «ниилизма». Распространеніе радикальныхъ стремленийъ въ молодежи, въ связи съ польскимъ восстаніемъ и петербургскими пожарами 1862 г., произвело сильное впечатлѣніе какъ на руководящія сферы, такъ и на часть общества. Начинается реакція; появляется желаніе затормозить дѣло реформъ. Катковъ отказывается отъ либеральной программы и становится глупатаемъ обузданія и подавленія прогрессивныхъ стремленийъ. Въ средѣ молодежи господство получаетъ не серьезный радикализмъ «Современника», а поверхностный, кричащий, вѣтнѣйший радикализмъ «Русского Слова». Центральной фигурой является теперь Д. И. Писаревъ (1841—68), благодаря несравненному блеску его стиля и необыкновенной легкости его литературной манеры. Въ 3—4 года напряженной дѣятельности онъ подвергъ смѣломъ анализу весь строй старыхъ понятій. Пересмотрѣтъ кодексъ старой морали, старой эстетики и старой науки, онъ пришелъ къ полному разрушению прежнаго «идеалистического» міросозерцанія и старался замѣнить его міросозерцаніемъ «трезвымъ», достойнымъ «развитой личности» и «мыслящаго реалиста». Онъ не убоялся посягнуть на славу величайшаго русскаго поэта, отлично сознавая, что создать себѣ репутацію вандала. Искусство онъ отрицалъ, однако, не вполнѣ: онъ только не хотѣлъ признавать за нимъ первостепенного значенія. Главнымъ образомъ надо «полезное дѣло» дѣлать, а какъ отдыхъ можно себѣ позволить и искусству позабавиться. На мѣсто искусства Писаревъ ставилъ науку, но не вѣя ея отды, а исключительно естествознаніе. Боясь чаръ «идеализма», онъ даже Грановскаго причислилъ къ «сиренамъ», сладкий гласъ которыхъ можетъ сбить съ пути истинаго реалиста. Однако, его проповѣдь «разумнаго эгоизма» не только не привилась, но подкопала все зданіе утилитаризма—подкопала именно своею *нравственностью* несостоятельностью. Одни взгляды на искусство не вѣ состояніи никого дискредитировать: Левъ Толстой еще съ гораздо болѣею рѣзкостью уничтожаетъ эстетику, всю изящную литературу и въ частности Пушкина—и это нимало не ослабляетъ «толстовщину». «Писаревщина» пала потому, что въ основѣ ея «разумнаго эгоизма» лежало не общественное благо, не самопожертвованіе, а принципъ индивидуального благополучія. Тотъ же принципъ масса читающей публики находила и въ романѣ Чернышевскаго: «Что дѣлать». Суровая фигура аскета Рахметова и великодушный поступокъ Лопухова, покидающаго родину, чтобы дать возможность любимой имъ женѣ сойтись съ чело-

вкомъ, котораго она полюбила, казалось, ясно говорили о первостепенномъ значеніи самопожертвованія въ общественной и личной жизни; но вниманіе большинства читателей сосредоточилось по преимуществу на геронѣ романа, Вѣрѣ Павловнѣ, ст. легкимъ сердцемъ принимающей приносимыя для нея жертвы и видящей рядъ розовыхъ сновъ. Отсюда весьма кратковременное, но очень яркое отклоненіе отъ идеаловъ Добролюбова и Чернышевскаго-публициста, которое чаще всего характеризуется тургеневской кличкой «ниилизмъ». У Тургенева, однако, воплощеніе нигилизма, Базаровъ—человѣкъ во всякомъ случаѣ крупный, весьма мало напоминающій тѣхъ крикливыхъ адептовъ «новыхъ идей», радикализмъ которыхъ, главнымъ образомъ, въ томъ и выражался, что мужчины носили длинные волосы, а женщины ихъ стригли. Фальшивъ многочисленныхъ «противонигилистическихъ» романовъ и повѣстей, появившихся въ срединѣ и концѣ 60-хъ гг., заключается не въ томъ, что лохматые, нечесанные, грязные мужчины и утратившіе всякую женственность девицы выдуманы: они несомнѣнно были и несомнѣнно оскорбляли тонко чувствующихъ людей—но надо было понять, что по всякому масштабному движенію примѣпываются умственныя и нравственные поддонки, имѣющіе слишкомъ мало общаго съ истинными выразителями движенія. Базаровымъ нигилизма въ литературѣ былъ Писаревъ: нигилизмъ вульгарный вѣтнѣйши-крикливъ и неглубокъ выразился въ другихъ дѣятеляхъ «Рус. Слова». Самая характерная фигура между ними—Г. Е. Благосвѣтловъ, редактировавшій журналъ до его закрытия въ 1866 г., а затѣмъ основавшій «Дѣло». Умственнымъ созданіемъ его былъ В. Зайцевъ, часто заставлявшій о себѣ говорить рѣзкими выходитками и яростными нисправлениями всяческихъ авторитетовъ. Это онъ сказалъ, что «юнкерская» поэзія Лермонтова пригодна только для чахоточныхъ барышень. Цѣлый рядъ подобныхъ выходокъ былъ высказанъ въ редакціонныхъ собраніяхъ Благосвѣтловымъ, а Зайцевъ ихъ только изложилъ на бумагѣ. Такимъ же разрушителемъ былъ полковникъ Н. В. Соколовъ (умеръ эмигрантомъ въ 1880-хъ годахъ), помѣщавшій въ «Русскомъ Словѣ» статьи политico-экономического характера. Серьезное противодѣйствіе поверхностному радикализму «Русск. Словѣ» нападки консервативныхъ и умбрѣнныхъ органовъ оказать не могли: онѣ только обострили отрицательное направлѣніе. «Современникъ» постарался образумить Писарева и другихъ дѣятелей «Рус. Слова», доказывая, что они только вредятъ успѣху того міросозерцанія, во имя которого ополчаются, что они не реалисты, а лже-реалисты, что они ополчаются противъ метафизической философіи, не зная ее и потому не умѣя указать ея дѣйствительно слабыя стороны, и т. д. Но «Современникъ» не вышелъ побѣдителемъ изъ этого спора, потому что не могъ выставить бойца, равнаго Писареву. Добролюбовъ умеръ, Чернышевскій, въ 1862 г. арестованый и въ 1864 г. осужденный, выбылъ изъ рядовъ дѣйствующей литературы, а замѣнивший его и

Добролюбова М. А. Антоновичъ не стоялъ на высотѣ положенія. Онъ былъ сухъ и раздущо-дентъ, а надо было покорять не столько умъ, сколько сердце. Еще важнѣе то, что онъ самъ былъ такой же «разноситель», какъ и сотрудники «Русскаго Слова». Когда появился «Отцы и Дѣти», онъ выступилъ противъ Тургенева со статьей: «Асмодей нашего времени», въ которой приравнивалъ первого писателя своего времени къ обскуранту Аскоченскому и доказывалъ, что Базаровъ есть злостная клевета на молодое поколѣніе. Позднѣе (1868) Антоновичъ написалъ неслыханно-рѣзкій памфлѣтъ противъ Некрасова. Въ полемикѣ противъ «Рус. Слова», которую велъ Антоновичъ въ 1864 и 65 гг. подъ псевдонимомъ «Посторонняго сатирика», онъ былъ правъ по существу, но на публику потокъ ругательствъ и взаимныхъ изобличеній производилъ крайне тѣгостное впечатлѣніе и не могъ не уронить престижа обоихъ журналовъ. Больше всего «расколъ между нигилистами» доставлялъ удовольствіе многочисленнымъ уже тогда врагамъ новыхъ стремленийъ и молодого поколѣнія. Отъ недавняго единодушія теперь не оставалось уже ни малѣйшаго слѣда; литературно-общественная мысль распадалась на рядъ партій и фракцій. Крайнюю правую составляли обскурантская «Домашняя Бесѣда» В. И. Аскоченскаго и крѣпостническая «Вѣсть» Скарятиня. «Домашняя Бесѣда» была болѣе забавна, чѣмъ сердита, и ее только выслушивали, но за «Вѣсть» стояла опасная по своимъ связямъ общественная группа, и съ нею надо было полемизировать серьезно. Самымъ опаснымъ врагомъ прогрессивныхъ течений являлись «Московская Вѣдомость», съ 1863 г. перешедшія къ Каткову и подъ его талантливымъ редакторствомъ (при значительномъ содѣйствіи П. М. Леонтьева) превратившіяся въ органъ первостепенной политической важности и огромнаго влиянія. Когда польское восстаніе было подавлено, онъ начинаютъ создавать рядъ новыхъ опасностей, причисляя къ нимъ, одну за другою, всѣ великия реформы императора Александра II. Другой органъ Каткова—«Русскій Вѣстникъ», совершившо утративъ свой прежній характеръ, становится главнымъ пріютомъ «противонигилистической» беллетристики. Начавъ съ облеченныхъ во всѣ формыуваженія къ противнику «Отцовъ и Дѣтей», «Русскій Вѣстникъ» даетъ своимъ читателямъ «Вѣзбаламученное море» Писемскаго, «Марево» В. П. Клюшникова, рядъ романовъ Лѣскова-Стебницкаго и Всеволода Крестовскаго, гдѣ «нигилисты»—въ лучшемъ случаѣ дурачки, а болѣею частью—воры, мошенники, грабители, убийцы и поджигатели. Особенное положеніе въ ряду литературно-общественныхъ партій первой половины 60-хъ годовъ заняли такъ называемые «почвенники», сгруппировавшіеся около журнала «Время». Главными сотрудниками его были Аполлонъ Григорьевъ, Достоевскій и Страховъ. Уже одно присутствіе Аполлона Григорьева въ роли первого критика дѣлало журналъ какъ-бы продолженіемъ «молодой редакціи Москвитина»: лозунгъ близости къ народной «поч-

вѣ» прямо вытекалъ изъ «органической» критики Григорьева. Въ политическомъ отношеніи «Время» держало себя солидарно съ лучшими органами прогрессивной мысли, горячо поддерживая всѣ начинанія эпохи реформъ; вотъ почему было возможно появление во «Времени» нѣсколькихъ стихотвореній Некрасова и очерковъ Щедрина. Но журналъ кореннымъ образомъ расходился съ духомъ эпохи по вопросу о народности, которую онъ понималъ какъ полнѣшее подчиненіе народному міровоззрѣнію. Столъ же кореннымъ образомъ онъ расходился съ тою «соблазнительною ясностью», которую эпоха, на основѣ естествознанія, вносила въ вопросы сверхчувственного бытія. Главный полемистъ «Времени», Н. И. Страховъ (Косица), въ своей позднѣйшей дѣятельности все тѣснѣе примыкалъ къ тону «Рус. Вѣстника». У Страхова есть горячие поклонники, ставящіе его очень высоко. Несомнѣнно, это былъ критикъ и публицистъ очень образованный, любившій литературу и сдѣлавшій многія интересныя поясненія къ нашимъ писателямъ. Съ его именемъ не связано, однако, ни одно прочно установленное толкованіе, которое могло бы считаться его неприкосненными вкладомъ въ исторію русской критической мысли. Почти всю свою жизнь Страховъ считалъ себя лучшимъ истолкователемъ Толстого, но какъ же онъ понималъ его? Какъ философа смиренномудрія, какъ проповѣдника идеаловъ скромнаго семинарскаго счастья и вообще какъ рѣшительного врага всего того, что выработано радикально русской мыслью. Это толкованіе теперь рухнуло безслѣдно. Съ конца 70-хъ гг. Толстой становится предметомъ вражды для людей того направленія, котораго держался Страховъ; выясняется, притомъ, что основы позднѣйшаго духовнаго облика Толстого заключались уже въ первыхъ его произведеніяхъ.

Оригинальнымъ проявленіемъ уравнительныхъ течений эпохи реформъ было выступленіе на литературное поприще такъ называемаго «разночинца». Литература первой половины вѣка, даже въ такихъ радикальныхъ выразителяхъ своихъ, какъ Бакунинъ и Герценъ, была, за самыми малыми исключеніями, дворянская. Теперь же и вожди теоретической мысли, и рядъ новыхъ беллетристовъ по происхождѣнію принадлежать либо къ духовенству, либо къ мелкому чиновничеству. Самое крупное дарование въ ряду послѣднихъ—Н. Г. Помяловскій, авторъ превосходнѣйшей картины отжившаго педагогическаго быта—«Очеркъ Бурсы»—и двухъ замѣчательныхъ романовъ, «Мѣщанско счастье» и «Молотовъ», въ которыхъ звучитъ насыщеннѣя нота по отношению къ личному благополучію, хотя бы и достигнутому непредсудительными путями. Другіе беллетристы—разночинцы 60-хъ гг.—Николай Успенскій, Левитовъ, Вороновъ и въ особенности О. М. Рѣшетниковъ—оставили яркий слѣдъ въ сфере повѣстей и разказовъ изъ народной жизни. Послѣ ихъ «трезвой правды» (выраженіе Тургенева по отношенію къ Рѣшетникову) прежнее барски-соболѣзнующее, смягченное и приподнятое изображеніе народной

жизни исчезает навсегда, хотя лишь нѣсколькими годами раньше большой успѣх имѣлъ разсказы изъ народной жизни Марко-Бовчака (псевд. М. А. Марковичъ), талантливые и поэтическіе, но сентиментальные. Въ томъ же роцѣ писала свои разсказы изъ простой жизни Кохановская - Соханская, подкрашенные, притомъ, славянофильски-утрированнымъ преклоненіемъ предъ стариною. Этой сентиментальности у писателей разночинцевъ нѣтъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ (въ особенности Левитова) нечужды и идеализациіи народа. Чисто-музикія стороны народной жизни, то что *только* крестьянину свойственно, въ литературѣ прежнаго времени отраженія не находили; напротивъ того, въ произведеніяхъ народниковъ - разночинцевъ онъ выразился очень замѣтно. Разсказы изъ народной жизни писалъ въ 60-хъ годахъ еще В. А. Сѣльцовъ, лучшимъ произведеніемъ котораго, впрочемъ, является повѣсть «Трудное время». Здѣсь еще сильнѣе, чѣмъ въ Помяловскаго, осмылено стремленіе къ личному благополучію въ буржуазномъ стилѣ.

Старое славянофильство было представлено въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ «Днемъ» Ивана Аксакова. Неопределеннное положеніе занимали «Отечественные Записки», гдѣ тогда главными дѣятелями являлись суховатый критикъ С. С. Дудышкинъ, публицистъ Н. В. Альбертина, туманный эстетикъ Николай Соловьевъ, — а также «Библиотека для Чтенія» П. Д. Боборыкина. Оба эти журнала, мало привлекавшіе читающую публику, то выступали какъ представители западническо-прогрессивныхъ традицій сороковыхъ годовъ, то разными выходками противъ молодого поколѣнія приближались къ реакціонной печати. Не имѣла также успѣха умѣренно-прогрессивная «Русс. Рѣчь», основанная въ 1861 г. графиней Е. В. Сальсь (псевд. Евгений Турь), въ 1849 г. очень удачно дебютировавшая романомъ «Племянница», но дальнѣйшей своею дѣятельностью возлагавшихся на нее надеждѣ не оправдавшіе.

Эпоха высшаго развитія алtruизма въ русскомъ обществѣ (семидесятые годы). Несомнѣнно утилитаризмъ скоро выяснился для лучшихъ элементовъ русского общества. Крѣпнетъ сознаніе, что однимъ разрушениемъ старого и стремленіемъ къ материальной «пользѣ» не проживешь. Возникаетъ потребность въ выработкѣ идеаловъ положительныхъ. Окраску эпохи даетъ теперь не грубоватый «разночинецъ», а «кающійся дворянинъ», желающій искупить и загладить вину своего сословія передъ народомъ. Вмѣсто идеала личного усовершенствованія выдвигается принципъ общественного блага. Отсюда интересъ къ общественнымъ наукамъ и мистическое преклоненіе предъ народомъ. Изъ теоретиковъ Н. К. Михайловскаго удовлетворяетъ *жаждѣ* изученій общественныхъ наукъ и становится однимъ изъ главарей движения. Публицистика заполняется изслѣдованиемъ экономического быта народа; въ сфере художественного творчества «мужицкая беллетристика» занимаетъ первенствующее положеніе. Какъ особая фракція

альtruистически - демократического настроения, возникаетъ прогрессивное «народничество», имѣющее то общее съ славянофильствомъ, что оно тоже провозглашаетъ принципъ «особенности» русскаго народа, но усматриваетъ ее исключительно въ общинно-артельныхъ «устояхъ» русской народной жизни. Всѣ фракціи прогрессивной мысли сливаются въ стремленіи отдать себя служенію нарodu, жертвуя для этого личными и даже культурными интересами. Такой исторический моментъ не могъ всецѣло волотиться въ литературѣ; писателей, впомѣнъ стоящихъ на его высотѣ, онъ не далъ. Но если семидесятые годы оказались неблагопріятными для *созданія* первостепенныхъ талантовъ, то они оказались чрезвычайно благопріятными для *развитія* трехъ великихъ писателей — Салтыкова, Достоевскаго и Толстого, унаследованныхъ русскою литературою отъ эпохи предыдущихъ. Созрѣвшее дарование Салтыкова доходило по временамъ до истинно-свѣтловской силы. Чѣмъ круче становились времена, тѣмъ опредѣленіе становилось его міросозерцаніе, тѣмъ цѣльнѣе его творчество. Съ 70-хъ гг. въ его произведеніяхъ слышится уже не холодный юморъ, а глубокая иронія; властно предъявляются требования наболѣвшаго сердца. Символически резюмируетъ всю дѣятельность Щедрина въ послѣдній 20 лѣтъ его жизни діалогъ «торжествующей свининѣ» съ правдой. Сатирикъ проникнутъ несокрушимой твердостью человѣка, котораго стихійной силой пригнуло къ землѣ, но который тѣмъ не менѣе сохранилъ въ себѣ гордое стремленіе къ небу. Связь Достоевскаго съ настроениемъ 70-хъ годовъ для многихъ въ свое время была неясна; ихъ даже пугалъ алогій славы Достоевскаго, который относится къ срединѣ и концу 70-хъ годовъ и получила такое грандіозное выраженіе въ похоронахъ, ему устроенныхъ (1881). Но именно эти похороны, на которыхъ было такое огромное количество молодежи, ясно показали, что въ успѣхѣ Достоевскаго надо было разобраться. Достоевскій въ одно и то же время совмѣщалъ въ себѣ противоположные элементы. Никто не могъ быть такимъ злымъ и жестокимъ, но никто также не могъ доходить до такой всепроникающей любви къ униженнымъ и оскорблѣннымъ. И вотъ это-то и было оцѣнено теперь, между тѣмъ какъ въ 60-хъ годахъ изъ-за выходокъ противъ либерализма къ великому дарованію автора «Записокъ изъ Мертваго дома» и «Преступленія и Наказанія» относились холодно. Въ семидесятыхъ годахъ Достоевскій былъ вождь не умственныій, а нравственныій; никто не училъ его, что любить, но училъ самой любви. Проникались силою ея и страстью. Еще менѣе сознавалась въ свое время тѣснѣйшая связь между альтруистическими течениями 70-хъ годовъ и Львомъ Толстымъ. Критика, признававшая его великій талантъ, относилась къ нему холодно и внутренняго смысла его произведеній не понимала. Достаточно сказать, что въ «Аннѣ Карениной» усмотрѣли тогда апоѳеозъ великосвѣтскихъ амуроў. Когда на рубежѣ 70-хъ и 80-хъ годовъ

вской «Исповѣди», а затѣмъ послѣдовалъ рядъ нравственно-философскихъ трактатовъ и разсказовъ, поразившихъ необыкновенно рѣзкостью своей критики, въ этомъ усмотрѣли «переворотъ». Самъ «великий писатель земли русской» тоже признавалъ себя перерожденнымъ и стъ пренебреженіемъ говорилъ о томъ періодѣ своей жизни, когда онъ писалъ «только» романы. Однако, начинаящееся теперь усердное изученіе его литературной дѣятельности совершенно твердо устанавливаетъ тотъ фактъ, что быть «новаго» Толстого, что на всемъ протяженіи его 50-лѣтней дѣятельности и черезъ всѣ его великихъ произведеній проходитъ одна и также красная нить — исканіе смысла жизни и желаніе добиться правды. Толстого нельзя, поэтому, пріурочить ни къ одной эпохѣ: великий гений, онъ стоитъ какъ бы въ времени и пространства. Вполнѣ свободны отъ отпечатка своего времени не могутъ быть, однако, и гении — и всего ближе Толстой подходитъ именно къ семидесятымъ годамъ, съ которыми его органически роднитъ сила и жгучесть овѣдѣшаго имъ порыва. Изъ менѣе крупныхъ дарованій къ 70-мъ годамъ относится расцвѣть таланта самой замѣтительной изъ русскихъ писательницъ, Н. Д. Хвошинской-Заончковской (1825—1889), подписьавшей свою произведенія: «Крестовъ-псевдонимъ». Она начала писать въ 50-хъ гг. и составила себѣ серьезное литературное положеніе своимъ романами изъ провинциальной жизни; но лучшая ея вещь — «Большая медвѣдница», «Альбомъ», «Первая борьба» и др. — относится къ 70-мъ годамъ. Она теперь чрезвычайно вырастаетъ и въ художественномъ, и въ общественномъ смыслѣ, освобождается отъ прежней идеализации забытыхъ женскихъ фигур и съ большою энергией выводитъ на чистую воду пошлые элементы жизни.

Установить точная хронологическая границы «семидесятыхъ» годовъ трудно. Приблизительно начало ихъ можно отнести къ 1866—70 гг. Вѣхами могутъ служить прекращеніе «Современника» и «Русскаго Слова» (1866), «Историч. письма» Миртова (1868—70), первая статья Н. К. Михайловскаго. Переходъ въ 1868 г. къ Некрасову, Салтыкову и Елисѣеву, «Отеч. Записки» становятся центральнымъ органомъ нового фазиса литературно-общественной мысли. «Отеч. Зап.» начали съ констатированія ошибокъ только-что умершаго Писарева, а главное — съ научной выработки блестящимъ соціологомъ и критикомъ Н. К. Михайловскимъ нового идеала, общественного по преимуществу. Во взглядахъ его на прогрессъ былъ данъ новый лозунгъ, устранивший опасность Писаревскаго утилитарного эгоизма и индивидуализма. Рядомъ съ этимъ Михайловскій высокоставилъ и значение личности, но только давалъ ей другое назначение. Признаніемъ «субъективнаго метода» въ соціологии онъ старался показать, что въ исторической жизни идеаль, элементъ *желательнаго*, имѣть огромное практическое значеніе. Изъ другихъ дѣятелей «Отечественныхъ Записокъ» видную роль играли умный «внутренний обозрѣвателъ» Г. З. Елисѣевъ, талантливый публицистъ Д. Е.

мерть, философъ-позитивистъ В. В. Лесевичъ, критики Добролюбовской школы А. М. Скачевичъ, М. К. Цебрикова, М. А. Протопоповъ, поздѣѣ публицисты С. Н. Кривенко, В. П. Воронцовъ и С. Н. Южаковъ. Въ беллетристическомъ отдѣлѣ «Отечеств. Записки» становится центромъ «мужицкой беллетристики». Это была въ большей степени публицистика, чѣмъ беллетристика. Она скоро раскололась на два течения — идеализирующее и пессимистическое. Во главѣ первого стоялъ Н. Н. Златовратский. Въ его произведеніяхъ сѣренѣйский мужицкій сплошь да рядомъ превращается въ эпического Микулу - Селяниновича, который подчасъ даже говоритъ былиннымъ складомъ и почти бѣлыми стихами. Въ такихъ же эпическихъ очеркѣахъ рисовалъ сибирскіе народные типы Н. И. Наумовъ, Деревенскій-Лассалъ выводилъ въ своихъ произведеніяхъ П. В. Засодимскій (Волгодинъ). Сюда же примыкаетъ Ф. Д. Нефедовъ. Среднее положеніе занимаетъ Н. Е. Петровавловскій-Каронинъ, чуждый сентиментального преувеличения доблестей мужика, но вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко вѣрующій въ его большую внутреннюю силу. Съ перенесенiemъ всѣхъ источниковъ бѣдности и другихъ народныхъ невзгодъ въ мужика не могъ согласиться крупнѣйший талантъ 70-хъ годовъ — Глѣбъ Успенскій. Въ своихъ полубеллетристическихъ, полупублицистическихъ очеркахъ народной жизни Успенскій съ глубокою душевною болью, но все же прямо и определено показывалъ, что мужикъ — не только представитель стихийно-вличественныхъ «устоевъ», что онъ грубъ, жестокъ, корыстолюбивъ, что опоэтизированное идеализаторами народа общинное чувство часто переходитъ въ мелочное желаніе не датьсосѣду воспользоваться самымъ крошечнымъ лишнимъ кускомъ, что всѣ будто-бы вѣковые нравственные народные «устои» мгновенно исчезаютъ при столкновеніи съ городской жизнью и т. д. Въ конечномъ результатѣ пессимистическое отношеніе Успенскаго къ душевнымъ качествамъ народа не только не ослабляло стремленія прийти къ нему на помощь, но усугубляло сознаніе, что интеллигенція должна внести свѣтъ въ тьму народного невѣжества. Этотъ же призывъ идти на помощь мужику, «сѣсть на землю», доставилъ большое значеніе появившимся въ «Отечественныхъ Запискахъ» «Письмамъ изъ деревни» А. Н. Энгельгардта. Внѣ сферы «мужицкой беллетристики» въ «Отеч. Зап.» впервые приобрѣлъ широкую извѣстность П. Д. Боборыкинъ. Этому талантливому и образованному писателю предстояло занять серьезное мѣсто въ исторіи русского общественного романа, благодаря большой отзывчивости его на вѣяния времени. Онъ отразилъ въ многочисленныхъ романахъ цѣлый рядъ общественныхъ «моментовъ», но не шелъ, болѣеюю частью, дальше общихъ ихъ контуровъ и не углублялся въ саму сущность разнородныхъ течений. Много обѣщали русскому общественному роману дебютировавшіе въ «Отечественныхъ Запискахъ» Кущевскій и С. И. Смирновъ; но Кущевскій послѣ своего «Николая Негрова» вскорѣ умеръ, а Смирнова не попа-

далше опытовъ своей ранней молодости — «Огонька», «Силы характера», «Попечителя учебного округа». Большая ожиданія возбудило появившееся въ «Отеч. Зап.» 1868 г. начало романа Д. К. Гирса († 1886) «Старая и Новая Россия», но дальше первой части романа не пошел, а все остальное, написанное Гирсомъ, не возвышается надъ уровнемъ посредственности. На рубежѣ 80-хъ годовъ въ «Отечеств. Зап.» появляются талантливые очерки С. Н. Тернгогрова (болѣе извѣстенъ подъ псевдонимомъ Серый Атава, † 1895): «Оскудѣніе», въ которыхъ правдиво изображено неумѣніе деревенского дворянства приспособиться къ новымъ формамъ жизни послѣ крестьянской реформы. Бытописателемъ новыхъ, тяжелыхъ условій деревенской жизни, гдѣ рѣшающее значеніе получаютъ теперь «спауки», всякаго рода кулаки, мѣроѣды и скучищи дворянскихъ имѣнъ, выступилъ И. А. Саловъ. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» заявилъ себѣ яркое дарование В. М. Гаршина († 1888). Въ его меланхолическомъ творчествѣ особенно ясно сказалася тотъ душевный разладъ, который, наряду съ самопожертвованіемъ, составляетъ одну изъ наиболѣ харacterистичныхъ чертъ литературного поколѣнія семидесятыхъ годовъ. Разладъ былъ вызванъ тѣмъ, что рядомъ съ глубокой потребностью въ дѣятельной борьбѣ со зломъ не было увѣренности въ торжествѣ добра, да и самая борьба противорѣчила столь же глубокому и всепроникающему чувству гуманности. Изъ старыхъ писателей этотъ разладъ отчасти изобразилъ Тургеневъ въ фигурѣ Нежданова («Новь»). Въ творчествѣ другого блестящаго представителя поколѣнія 70-хъ годовъ, В. Г. Короленко, разладъ чувствовался недолго; личные условія жизни, занесшія его въ сибирскую тайгу, отбросили его отъ литературной дѣятельности, а когда онъ вернулся къ ней, въ восьмидесятыхъ годахъ, борьбы уже никакой не было. Теперь онъ всепѣтъ отдается основному настроению своей души — глубокой любви къ людямъ и стремлению доискаться лучшихъ сторонъ человѣческаго духа, подъ какой-бы непроницаемой корой наносной житейской грязи онъ ни скрывалася. Этой любви было гораздо меньше въ подававшемся большія надежды, но загубленномъ нуждою А. О. Осиповичъ-Новодворскому († 1882). Въ поэтической формѣ разладъ между требованіями чистой совѣсти и нежеланіемъ активно противодѣйствовать злу выразился въ первомъ періодѣ дѣятельности Н. М. Виленкина-Минскаго. Въ послѣдствіи онъ сдѣлалъ проповѣдникомъ отрѣшенной отъ условій времени и мѣста «чистой красоты» и теоретикомъ эгоистически-индивидуалистического символизма («При свѣтѣ совѣсти»), но въ семидесятыхъ годахъ онъ пріобрѣлъ широкую извѣстность какъ пѣвецъ общественныхъ порывовъ и настроений. И младшій сверстникъ Минскаго — С. Я. Надсонъ († 1887) — отразилъ ту же борьбу противоположныхъ теченій. Онъ не могъ стать по-клонникомъ объективнаго и «чистаго искусства», но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжная и хрупкая душевная организация мѣшала ему быть борцомъ; и въ общемъ лирика его больше скло-

няется къ жалобамъ, чѣмъ къ протесту. Виѣ общественныхъ теченій развивалось изящное, но холодное дарование гр. А. А. Голенищева-Кутузова, поэта интимныхъ настроений, пѣвца красоты природы и стремлениія къ беспечальному успокоенію. Тоже виѣ тѣсной связи съ общественными настроениями пріобрѣлъ извѣстность въ 70-хъ годахъ симпатичный поэтъ изъ народа И. З. Сурковъ († 1880), котораго тяжелая жизнь настроила очень печально. Гораздо борѣе смотрѣть на жизнь другой поэтъ-крестьянинъ С. Д. Дрожжинъ, начавший писать въ 70-хъ годахъ, но получившій извѣстность позднѣ. Изъ другихъ молодыхъ талантовъ на рубежѣ 70-хъ и 80-хъ годовъ выдвинулись М. Н. Альбовъ — авторъ скорѣе психиатрическихъ, чѣмъ психологическихъ этюдовъ, К. С. Баранцевичъ — бытописатель жизни людей, прозающихъ подъ гнетомъ сїрой дѣятельности, но ею, однако, не задавленныхъ, и А. И. Эртель — авторъ разсказовъ изъ народного быта и романовъ изъ жизни болѣющій «проклятыми вопросами» интеллигентіи. Плодовитый романистъ И. Н. Потапенко выступилъ только въ восьмидесятыхъ годахъ, но основная настроенія свои онъ получилъ въ семидесятыхъ годахъ и въ лучшихъ своихъ вещахъ является талантливымъ выразителемъ того же альтруистического теченія, которымъ опредѣляется значеніе Гаршина и Короленко. Сюда же примыкаетъ симпатичное дарование Д. Н. Мамина-Сибиряка, обратившаго на себя вниманіе талантливыми рассказами и романами изъ уральской жизни. И. Г. Яснинский (Максимъ Бѣлинский) началъ свою литературную дѣятельность въ «Словѣ» и «Отечеств. Зап.», повѣстями, вѣрно изображавшими внутреннюю жизнь тѣхъ кружковъ, которые жили исключительно общественно-народными интересами, но, позднѣ, въ 80-хъ годахъ, примкнулъ къ теченіямъ, враждебно и насмѣшиво относившимся къ движению 70-хъ годовъ. Г. А. Мачтеть остался горячимъ приверженцемъ народолюбовыхъ идей этого десятилѣтія.

Не закончилась еще вполнѣ и полоса 60-хъ годовъ. Могикане «мыслищаго реализма» еще въ какомъ-то время съ успѣхомъ подвизаются въ «Дѣлѣ». Здѣсь расцвѣтаетъ крайне тенденціозная беллетристика, посвященная прославленію «новыхъ людей». Главные представители ея — А. К. Михайловъ-Шеллеръ, Н. Ф. Бажинъ, И. В. Федоровъ-Омулевский, отчасти К. М. Станюковичъ; послѣдний, впрочемъ, больше всего обзанъ своею извѣстностью, появившимся позднѣ «Морскимъ разсказомъ», написаннымъ очень жизненно и тепло. Изъ публицистовъ «Дѣла» пользовались извѣстностью рѣзкій критикъ П. Н. Гкачевъ, плодовитый компиляторъ С. С. Шашковъ, талантливый, но чрезвычайно увлекавшійся эффектными перспективами популяризаторъ В. О. Португаловъ, критикъ-публицистъ Н. В. Шелгуновъ. Лучшая часть дѣятельности послѣднаго — та, когда онъ, ведя «Очерки русской жизни» въ «Русс. Мыслихъ» 80-хъ годовъ, совершилъ отрѣшился отъ Благосвѣтловскихъ способовъ обсуждать литературно-общественные явленія и далъ просторъ благороднѣй-

шимъ сторонамъ своей духовной личности. Изъ другихъ органовъ прогрессивной печати «Недѣля» П. А. Гайдебурова съ середины 70-хъ годовъ становится центромъ одностороннаго «народничества» (статьи П. П. Червинскаго о «деревнѣ», дѣятельность О. И. Каблица-Юзова). Умѣренно-прогрессивная общественная мысль имѣла своими органами «Вѣстникъ Европы» М. Стасюловича, «СПб. Вѣдомости» В. Ф. Корша, «Голосъ А. Краевскаго и В. Бильбасова. «Вѣстн. Европы» 70-хъ годовъ въ беллетристическомъ своемъ отдѣлѣ былъ по преимуществу органомъ литературныхъ корифеевъ (Тургеневъ, Гончаровъ, Алексѣй Толстой, Крестовскій — псевдонимъ, отчасти Островскій). Чрезъ научно-публицистический отдѣлъ журнала прошла вся многоцелевая работа лучшаго историка русской общественности — А. Н. Пыпина, критическая и публицистическая дѣятельность К. К. Арсеньева, В. Д. Спасовича и Е. И. Утина, послѣдніе отголоски теоретической мысли сороковыхъ годовъ въ статьяхъ Кавелина. Ведение «Внутреннихъ Обозрѣній» Л. А. Полонскимъ давало журналу оттѣнокъ буржуазнаго либерализма, который исчезъ, когда Полонскій въ 1880 г. оставилъ «Вѣстн. Европы». «С.-Пет. Вѣдомости» Коршевской редакціи (1863—74) далеко ушедшими въ своихъ идеалахъ кружкамъ казались черезчуръ смиренномудрыми (по выражению Салтыкова — «пѣнкоснимателями либерализма»); но недобровольное удаленіе изъ газеты В. Ф. Корша и всѣхъ главныхъ сотрудниковъ доказало, что при томъ обратномъ ходѣ, которымъ тогда прошла внутренняя политика, роль газеты не имѣла ничего комического. Въ общемъ «С.-Пет. Вѣд.» были однимъ изъ наиболѣ видныхъ проявленій новой литературной силы — ежедневной печати, развитію которой много способствовалъ законъ о печати 1865 г. Въ газетахъ начинаетъ теперь сосредоточиваться значительная часть литературныхъ силъ. Главными дѣятелями Коршевскихъ «С.-Пет. Вѣд.» явились: выдающейся защитникъ принциповъ самоуправліенія кн. А. И. Васильчиковъ, К. К. Арсеньевъ, публицисты Н. П. Колопановъ и О. Ф. Воропоновъ, Э. К. Ватсонъ, представители позитивной философии Вырубовъ и Де-Роберти, П. Д. Борбакинъ, пламенный провозглашникъ нового русского искусства В. В. Стасовъ, «музыкальный нигилистъ» Ц. А. Юи и въ особенности фельетонистъ А. С. Суворинъ и В. П. Буренинъ. Блестящій талантъ А. С. Суворина далъ значеніе прежде ничтожному воскресенному фельетону, а извѣстный юморъ литературного обозрѣвателя В. П. Буренина, тогда по преимуществу направленный противъ консервативной печати, сдѣлалъ его однимъ изъ наиболѣ ненавидимыхъ въ извѣстныхъ кружкахъ застрѣльщикомъ либерального лагеря. Во второй половинѣ 70-хъ годовъ съ этими литературными дѣюшими проистекаютъ рѣшительная метаморфоза: пріобрѣтенная А. С. Суворинымъ газета «Новое Время» становится центромъ национализма и рѣзкихъ наездовъ на прогрессивную мысль. Соперничавшій съ «СПб. Вѣдомостями» «Голосъ» сначала

былъ представителемъ умѣренного консерватизма, но позднѣе дѣлается органомъ буржуазнаго либерализма. Главными его сотрудниками были Л. Панютинъ (Ниль Адмиралъ), Е. Л. Марковъ, Г. К. Градовскій, проф. А. Д. Градовскій, проф. В. И. Модестовъ, акад. В. П. Безобразовъ. Консервативная мысль имѣла со своими органами дворянско-землевладѣльческую, въ стилѣ англійскаго торизма, газету «Русскій Миръ», главнымъ дѣятелемъ которой былъ извѣстный консервативный публицистъ, генералъ Р. А. Фадѣевъ. Петроградный «Гражданинъ» кн. В. Мещерскаго требовалъ, чтобы къ реформамъ была «поставлена точка» и дворянству возвращена его руководящая роль; но въ романахъ самого кн. Мещерскаго петербургскій большой свѣтъ былъ подвергнутъ жестокому осмѣянію. Въ «Русскомъ Вѣстнике», въ началѣ 70-хъ гг., выдвигаются романисты Б. М. Маркевичъ и В. Г. Авсѣнко и драматургъ Д. В. Аверкіевъ, рѣдомъ съ изображеніемъ нигилизма пытающіеся создать положительныхъ героевъ, изъ среды представителей большого свѣта и древне-русской жизни; В. Г. Авсѣнко предпринялъ также критический походъ противъ «петербургской» журналистики. Въ сферѣ воинствующей беллетристики «Русск. Вѣстникъ» даль двѣ замѣтныя эпопеи изъ раскольнической жизни Мельникова-Печерскаго: «Вѣлѣсь» и «На горахъ», принадлежащія къ самымъ увлекательнымъ книгамъ русской литературы. Къ изображенію этого же міра «древлія благочестія» и вообще къ этнографической беллетристикѣ переходить во второй половинѣ 70-хъ годовъ недавній обличитель нигилизма — Лѣсковъ. Яркий талантъ, проявленный имъ здѣсь на почвѣ вполнѣ нейтральной, примиряетъ съ нимъ публику, да и самъ онъ мало-по-малу отходитъ отъ прежнихъ единомышленниковъ и подъ конецъ жизни даже печатается въ «Вѣстн. Европы» разсказъ, высмѣивающій клерикальное святошество. На поприщѣ этнографической беллетристики въ 70-хъ годахъ дебютировали также авторъ бывшихъ изъ средне-азіатской жизни Н. Н. Каразинъ и талантливый беллетристъ-путешественникъ Вас. Немировичъ-Данченко. Значительное развитіе получаетъ въ 70-хъ гг. историческій романъ. Отчасти это было результатомъ, должно понятаго успѣха «Войны и Мира», гдѣ историческая рамка играетъ второстепенную роль, отчасти — удовлетвореніемъ вкуса тѣхъ неприхотливыхъ слоевъ публики, которые еще только начинаютъ читать и на первыхъ порахъ больше всего пѣнятъ «занимателность». Вотъ почему изъ историческихъ романовъ наибольшій успѣхъ имѣлъ наименѣе удовлетворяющей литературнымъ требованиямъ Всеволодъ Сер. Соловьевъ. Гораздо выше по художественнымъ достоинствамъ историческіе романы гр. Е. В. Сальяса и Г. П. Данилевскаго, но и въ нихъ требованиямъ «занимателности» стоять на первомъ планѣ. Къ историческому роману перешелъ теперъ и Д. Л. Мордовцевъ, до тѣхъ поръ извѣстный какъ историкъ народныхъ движений

Эпоха разброда и искания новых идеалов (восьмидесятые и девяностые годы). Эпоха, нами переживаемая и начинающаяся съ восьмидесятых годов еще не завершилась и потому намечены могут быть только ея общие контуры. Никогда противодействие духа эпохи великих реформ не было такъ сильно, какъ въ 80-хъ годахъ. Этому содействовало то обстоятельство, что численно выросли малокультурный слой общества, который Салтыковъ называлъ «улицей». Отсюда небывалый успѣхъ мелкой и шовинистической прессы. Въ слояхъ культурныхъ русской идеализмъ направляется на новый путь. Огромный успѣхъ имѣть толстовское учение о не-противлении злу насилиемъ. Утилитаризмъ и материализмъ еще больше, чѣмъ въ 70-хъ годахъ, теряютъ приверженцевъ; на первый планъ, подъ вліяніемъ Л. Толстого, выступаетъ интересъ къ вопросамъ философски-религіознаго характера. Появляется новая форма превращенія въ мужиковъ, безъ всякой протестующей подкладки. «Опрошиваются» теперь не съ тѣмъ, чтобы влѣять на народъ, а для того, чтобы отрѣхнуть съ собственныхъ ногъ пыль цивилизаций и зажить жизнью первобытной близости къ природѣ. Въ литературѣ исчезаетъ прежняя прямолинейность; партийные отѣнки прогрессивного лагеря слаживаются. Недобровольно исчезаютъ главные органы прежняго радикализма — «Отеч. Зап.» и «Дѣло». Изъ писателей, выступившихъ въ 70-хъ годахъ, идеалисты народа умолкаютъ, чувствуя, что нѣтъ аудиторіи, сочувствіе которой поддерживало бы ихъ повышенное настроеніе. Появляющійся на литературномъ поприщѣ А. П. Чеховъ чуждъ во-сторга и увлечения, но дарование его очень круто и можетъ многое дать русской литературѣ. Ослабленіе общественныхъ стремлений создаетъ почву, на которой опять возникаетъ теорія «чистаго» искусства. Выразителями этого настроенія, кроме отрѣхавшагося отъ прежніяго направления, Минского, являются нѣсколько поэтовъ, получающихъ извѣстность въ 80-хъ годахъ. Талантливѣйший изъ нихъ — К. М. Фофановъ, въ почти-бесознательномъ творчествѣ которого перлы истинной поэзіи перемѣшаны съ огромнымъ количествомъ не имѣющихъ никакой цѣни риѳомованныхъ строкъ. Изящный судебный ораторъ и красиво оцѣнивающій литературныхъ явленія критикъ, С. А. Андреевскій, выступаетъ съ рядомъ стихотвореній и поэмъ, въ которыхъ «красота и меланхолія» объявляется «единственно-законною» областью поэзіи. Чуждается также жизни князь Д. Н. Цертелевъ, какъ публицистъ примыкающій къ «Московск. Вѣдомостямъ». Интересъ къ беспечальному искусству создаетъ теперь успѣхъ А. Н. Апухтину († 1893), начавшему писать еще въ шестидесятыхъ годахъ, но затѣмъ замолкшему. Возобновляютъ также свою поэтическую дѣятельность осмѣянные въ шестидесятыхъ годахъ К. К. Случевскій и П. А. Кусковъ. Въ связи съ общерусской жизнью выступаетъ талантливый поэтъ еврейства, С. Г. Фругъ. Въ сферѣ беллетристики 1880-ые и 1890-ые годы характеризуются появленіемъ ряда писателей не ли-

шенныхъ таланта, чуждыхъ тенденціозности, но не оставляющихъ въ читателѣ опредѣленного и яркаго впечатлѣнія. Получаетъ извѣстность рядъ женщинъ писательницъ — Ольга Шапиръ, М. В. Крестовская, А. М. Шабельская, Мердеръ (Северинъ), Бларамбергъ (Ардовъ), А. А. Винницкая, В. И. Дмитрева, Л. И. Микуличъ-Веселицкая. Вниманіемъ читающей публики пользуются А. А. Тихоновъ-Луговой, братъ его В. А. Тихоновъ, кн. Голицынъ (Муравлинъ), Гаринъ (Н. Г. Михайловскій), П. П. Гнѣдичъ, А. Вѣжецкій, Щегловъ-Леонтьевъ, В. Л. Кигнъ (Дѣловъ и др.). Особую группу составляютъ въ 80 и 90-хъ годахъ нѣсколько публицистовъ (изъ «Русскаго Вѣстника», «Рус. Обозр.», «Моск. Вѣд.» и «Нов. Врем.») которые въ 70-хъ гг. принимали активное участіе въ анти-государственной дѣятельности. Изъ нихъ Ю. Н. Говоруха-Отрокъ († 1896) обладалъ недожиннымъ критическимъ талантомъ. А. А. Дьяковъ-Незлобинъ († 1895) — беллетристическимъ и фельетоннымъ. Исключительно съ точки зрѣнія вновь усвоенныхъ имъ идей разматривается явленія общественной жизни Л. Тихомировъ. Однимъ изъ главныхъ вдохновителей этой группы являлся беллетристъ и публицистъ К. Н. Леонтьевъ († 1891), мрачное византійство котораго принимаетъ по временамъ характеръ прямого изувѣрства. Гораздо болѣшимъ безпристрастіемъ отличается консервативный публицистъ, критикъ и романистъ К. О. Головинъ (псевд. Орловскій).

Если настроеніе семидесятыхъ годовъ и slabѣть, то многіе остаются безусловно вѣрными старымъ идеаламъ. Взамѣнъ «Отеч. Зап.» и «Дѣла» процаѣтъ «Рус. Мысль» (главный дѣятель — публицистъ и критикъ В. А. Гольцевъ), возникаетъ «Сѣв. Вѣстникъ» А. М. Ереиновой; съ начала 90-хъ гг. преобразовывается «Рус. Богатство», постепенно занимающее такое же положеніе, какъ нѣкогда «Отеч. Зап.». Во главѣ съ Михайловскимъ и Короленко, здѣсь сосредоточивается все литературное теченіе 70-хъ годовъ. Изъ новыхъ талантовъ «старого стиля» здѣсь выдвигается Л. Мельшинъ (псевдонимъ) — авторъ замѣчательныхъ очерковъ «Миръ отверженныхъ» (личныя наблюденія автора на катарахъ) и поэтъ, подписывающій свои стихотворенія инициалами П. Я. Изъ старыхъ журналовъ усиливающаяся реакція отѣняетъ стойкость «Вѣстн. Евр.». Сюда переселяется Салтыковъ послѣ закрытия «Отеч. Зап.»; здѣсь же освободительные стремленія русского общества пріобрѣтаютъ замѣчательного союзника въ лицѣ даровитаго философа и публициста, отчасти поэта — Владимира Соловьевъ, пріобрѣтаютъ именно союзника, а не выразителя, потому что самъ по себѣ Соловьевъ — членъ метафизического міросозерцанія. Сила ударовъ, которые онъ наносить рыцарямъ мрака и угнетенія, въ томъ, отчасти, и заключается, что онъ говоритъ отъ имени вполнѣ ортодоксальныхъ воззрѣй. Узкому націонализму и стѣсненію свободы совѣстіи и слова онъ противопоставляетъ правильное понятие христіанства. Одинъ изъ самыхъ блестящихъ полемистовъ нашихъ, Соловьевъ нанесъ реши-

тельные удары теоріи представителя нео-славянофильства, Николая Данилевскаго, который теорію богоизбранныности русско-славянскаго міра пытался обосновать на объективно-научныхъ данныхъ, а также В. В. Розанову, критику и публицисту безусловно талантливому и подчасъ даже глубокомысленному, но доходящему весьма часто до болѣзненно-странныхъ обскурантизма и письеской темноты мышленія. Изъ публицистовъ, борющихся противъ обскурантизма и человѣконенавистничества во имя христіанской морали, выдается еще сотрудникъ «Недѣли», союзникъ и почтитель Л. Толстого — М. О. Меньшиковъ.

Въ 90-хъ годахъ кризисъ, переживаемый старымъ демократизмомъ не только въ Р., но и въ Европѣ, создаетъ почву, на которой вырастаетъ пустощѣтъ декадентскаго равнодушія къ истинѣ и презрѣнія къ самопожертвованію. Изъ иностранныхъ писателей особенный успѣхъ имѣть Ибсенъ, съ его пересмотромъ всего того, что демократический духъ XIX в. призналъ за благо. Въ сфере теоретической мысли наибольшій интересъ возбуждаетъ Ницше, съ его желаніемъ «стать по ту сторону добра и зла» и создать религию обожающей себя личности. Проникаютъ къ намъ и благерствующее французское декадентство и символизмъ, съ ихъ афектированнымъ презрѣніемъ къ нравственнымъ задачамъ искусства и поклоненіемъ извращенности во всѣхъ ея видахъ. Все это ослабляетъ альтруистическое теченіе въ самой чуткой части русского общества — учащейся молодежи. Это длится, однако, недолго. Въ литературѣ проповѣдь эгоизма и извращенныхъ вкусовъ идетъ только отъ нѣсколькоихъ второстепенныхъ дарованій. Изъ нихъ наибольшую извѣстность пріобрѣтаютъ образованный, но гоняющійся за всякою новизною поэтъ, романистъ и критикъ Д. С. Мережковскій; его жена — З. Н. Гиппіусъ-Мережковская, несомнѣнныи талантъ которой не даетъ ничего цѣннаго въ изысканной погонѣ за «новой красотой»; романистъ и поэтъ Федоръ Сологубъ (псевдонимъ), талантъ котораго принялъ болѣзненное направление; поэтъ К. Д. Бальмонтъ, больше всего, впрочемъ, извѣстный какъ переводчикъ Шелли, Байрона, Гете. Къ «новому» теченію примыкаетъ яростное нападеніе нимаго «идеализма» (ст. А. Волынскаго въ измѣнившемся «Сѣв. Вѣстнике») на все созданное демократической русской мыслью. Это окончательно раскрываетъ глаза на «новое теченіе» и дискредитируетъ его въ глазахъ людей, искренно прислушивающихся къ каждому «новому слову». Въ срединѣ 90-хъ годовъ возникаетъ новое умственное теченіе, получающее название «марксизма» или «неомарксизма» и вступающее въ борьбу съ «народниками» 70-хъ годовъ и вообще съ старымъ демократизмомъ. Русскій марксизмъ (главные теоретики — П. Б. Струве, М. И. Туганъ-Барановскій, Бельтовъ) идетъ рука объ руку съ теоріе экономического материализма, по которому важнѣйшимъ факторомъ исторіи являются исключительно экономическая причины, борьба классовъ и интересовъ. Какъ ни смотрѣть на марксизмъ по существу, появление его показываетъ несомнѣнно, что апатія, овла-

дѣвшая обществомъ подъ вліяніемъ реакціи 80-хъ гг. и нашедшая крайнее выраженіе въ индифферентизмѣ и декадентствѣ, прошла. Въ формѣ художественной марксизма еще не успѣло проявиться, но марксисты не безъ основанія гордятся свѣжимъ дарованіемъ Максима Горькаго (псевдонимъ А. Пѣшкова), давшаго рядъ яркихъ картинъ изъ жизни городского пролетариата.

Новый русский театръ послѣ Островскаго и Алексея Толстого далъ только одно высокое явленіе — «Власть тьмы» Льва Толстого. А. В. Сухово-Кобылинъ не пошелъ дальше извѣстной пьесы своей «Свадьба Кречинскаго» (1855), Н. Е. Чернышевъ имѣлъ успѣхъ съ затрагивавшей женскій вопросъ «Испорченной жизни» (1861), Николай Потѣхинъ — съ своими сценическими пьесами «Злоба дня» и «Мертвая петля»; А. И. Пальмъ въ «Старомъ баринѣ» (1873) вѣро обрисовалъ избалованнаго, неприспособленного къ требованіямъ новой трудовой жизни представителя барства сороковыхъ годовъ; В. А. Крыловъ написалъ нѣсколько интересныхъ пьесъ, касающихся вопросовъ дня, но огромная часть пьесъ имѣетъ написанныхъ и передѣланныхъ съ иностранныхъ языковъ (больше 100) имѣютъ цѣли исключительно сценическія. Сценическими достоинствами завоевали себѣ также успѣхъ В. А. Дьяченко, Л. Н. Антроповъ, П. П. Гнѣдичъ, Е. П. Карповъ (пьесы изъ народной жизни), Невѣжинъ, Н. Я. Соловьевъ, кн. А. И. Сумбатовъ, В. А. Тихоновъ, И. В. Шпажинскій, И. Л. Щегловъ-Леонтьевъ и др. Въ послѣднее время выдѣляются чисто-литературными достоинствами вдумчивыи пьесы Владимира Немировича-Данченко. Умно-задуманные пьесы П. Д. Бобровкина мало сценическихъ. Историческая драма представлена приподнятыми пьесами Д. В. Аверкіева и Чаева.

Литература, посвященная систематической разработкѣ истории новѣйшаго периода, очень незначительна. Кроме популярной, болѣе биографической, чѣмъ систематической «Истории новѣйшей русской литературы» А. М. Скабичевскаго (3 изд. СПб., 1897), можно указать только послѣднія главы нѣм. «Geschichte d. Russ. Litteratur» А. А. Рейнгольда (Лейпцигъ 1886) и крайне-бестолковую «Историю русской литературы» К. Петрова (8 изд., СПб., 1892). Для истории новѣйшаго романа представляеть интересъ «Русскій романъ» К. Головина (СПб., 1897) и отчасти «Le roman russe» Мельхiora де-Вогю; для истории новѣйшей критики — IV часть «Истории русской критики» И. И. Иванова (СПб., 1900). Съ чрезвычайно осторожностью слѣдуетъ пользоваться тенденціозною книгою А. Л. Волынскаго: «Русскіе критики» (СПб., 1896). Для изученія отдѣльныхъ писателей и литературныхъ настроений обширный материал даютъ собранія сочиненій Аполлона Григорьевъ, Анненкова, Дружинина, Добролюбова, Чернышевскаго, Писарева, Михайловскаго, Скабичевскаго, сборники статей Арсеньева, Протопопова, Буренина, Страхова, Ник. Соловьева, «Русскіе писатели послѣ Гоголя» Ор. Миллера (4 изд., 1890) и др. Рядъ отдѣльныхъ характеристикъ даетъ «Критико-біографический

словарь» Венгерова, а также настоящий Словарь.
С. Венгеровъ.

XI. Русское искусство. I. Архитектура, живопись и гравированіе. Исторія искусствъ въ Р., точно такъ же, какъ и исторія русской культуры вообще, распадается на два неравные, рѣзко различніе периоды: *древній*, простирающійся съ незапамятныхъ временъ до эпохи преобразованій Петра Великаго, и *новый*, обнимающій собою два послѣднія столѣтія. Въ теченіе первого периода, изъ элементовъ, заимствованныхъ отъ Византии, занесенныхъ къ намъ съ Востока и отчасти Запада, равно какъ и коренившихъ въ душѣ и бытѣ народа и слившихъ съ нимъ племень, медленно, по непрерывно, вырабатывался оригинальный типъ князьямъ жить въ палатахъ и среди обстановки, напоминающихъ образъ жизни восточныхъ императоровъ. Удовлетворить этой потребности могли только греки, на долю которыхъ выпало быть просвѣтителями Руси и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Тотчасъ по своемъ крещеніи, Владимиръ вызывается изъ Царяграда зодчихъ, каменщиковъ, живописцевъ, мозаичистовъ, въ Киевѣ и сосѣднихъ мѣстахъ воздвигаются церкви, украшенныя иконами, мозаикою, рѣзьбою. Всѣ эти работы исполняются византійскими руками и въ византійскомъ стилѣ. То же самое происходит и приближайшихъ преемникахъ Владимира, хотя въ это время начинаютъ дѣйствовать и туземные мастера, выученные греками. Такимъ образомъ русская архитектура и прочія художественныя отрасли въ самомъ своемъ началѣ получаютъ совершенно византійскій характеръ, черты котораго не утрачиваются ими и впослѣдствіи, при заимствованіяхъ изъ другихъ источниковъ. Важнѣйшія произведенія этого зодчества явились прежде всего въ велиокняжеской столицѣ, Киевѣ. Первою каменною церковью, сооруженою здѣсь Владимиромъ, была Васильевская, названная такъ въ честь святого, имя которого было дано ему при крещеніи. Она была построена на томъ мѣстѣ, где незадолго предъ тѣмъ стоялъ кумиръ Перуна. Быть можетъ, у нихъ имѣлись болѣе обширныя сооруженія для чествованія божествъ, хотя существованіе такихъ капищъ составляетъ спорный вопросъ въ средѣ ученыхъ. Материаломъ для построекъ у доисторическихъ нашихъ предковъ служило дерево, въ огромномъ количествѣ распространенное повсюду въ мѣстахъ ихъ осѣдлости. Свои орудія они пытались обѣлывать въ видѣ фигуръ животныхъ, а сосуды и другую утварь украшать узорами. Движимые религиознымъ чувствомъ, они вырубали изображенія своихъ боговъ, пользуясь при этомъ какъ деревомъ, такъ и камнемъ, а въ память своихъ покойниковъ ставили ихъ истуканы, такъ называемыя «каменные бабы», на могильныхъ курганахъ. Произведенія этого примитивного искусства, сдѣланыя изъ дерева, исчезли безслѣдно, и обѣ ихъ существованіи мы знаемъ только изъ скучныхъ свидѣтельствъ старинныхъ путешественниковъ; каменныхъ же, глиняныхъ и металлическихъ издѣлій собрано археологами весьма много, но для пріуроченія ихъ къ болѣе или менѣе раннему времени, равно какъ и для опредѣленія ихъ при-

надлежности тому или другому племени, нѣть достаточно прочныхъ оснований. Всѣ они походятъ на подобныя имъ произведения вообще народа, не вышедшихъ изъ дѣствія. Достовѣрная исторія русского искусства начинается только съ принятия св. Владиміромъ христіанства. Еще задолго до этого великаго события, наши предки были знакомы съ художественными произведеніями Византии, то дѣлая воинственные набѣги на нее, то вступая съ нею въ мирные договоры и торговыя сношения. Когда же православіе сдѣлалось государственной религіею Руси, явилась на ней надобность иметь для богослуженія храмы, устроенные и убранные на подобіе константинопольскихъ церквей, а благовѣрнымъ князьямъ жить въ палатахъ и среди обстановки, напоминающей образъ жизни восточныхъ императоровъ. Удовлетворить этой потребности могли только греки, на долю которыхъ выпало быть просвѣтителями Руси и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Тотчасъ по своемъ крещеніи, Владимиръ вызывается изъ Царяграда зодчихъ, каменщиковъ, живописцевъ, мозаичистовъ, въ Киевѣ и сосѣднихъ мѣстахъ воздвигаются церкви, украшенныя иконами, мозаикою, рѣзьбою. Всѣ эти работы исполняются византійскими руками и въ византійскомъ стилѣ. То же самое происходит и приближайшихъ преемникахъ Владимира, хотя въ это время начинаютъ дѣйствовать и туземные мастера, выученные греками. Такимъ образомъ русская архитектура и прочія художественныя отрасли въ самомъ своемъ началѣ получаютъ совершенно византійскій характеръ, черты котораго не утрачиваются ими и впослѣдствіи, при заимствованіяхъ изъ другихъ источниковъ. Важнѣйшія произведенія этого зодчества явились прежде всего въ велиокняжеской столицѣ, Киевѣ. Первою каменною церковью, сооруженою здѣсь Владимиромъ, была Васильевская, названная такъ въ честь святого, имя которого было дано ему при крещеніи. Она была построена на томъ мѣстѣ, где незадолго предъ тѣмъ стоялъ кумиръ Перуна. Быть можетъ, у нихъ имѣлись болѣе обширныя сооруженія для чествованія божествъ, хотя существованіе такихъ капищъ составляетъ спорный вопросъ въ средѣ ученыхъ. Материаломъ для построекъ у доисторическихъ нашихъ предковъ служило дерево, въ огромномъ количествѣ распространенное повсюду въ мѣстахъ ихъ осѣдлости. Свои орудія они пытались обѣлывать въ видѣ фигуръ животныхъ, а сосуды и другую утварь украшать узорами. Движимые религиознымъ чувствомъ, они вырубали изображенія своихъ боговъ, пользуясь при этомъ какъ деревомъ, такъ и камнемъ, а въ память своихъ покойниковъ ставили ихъ истуканы, такъ называемыя «каменные бабы», на могильныхъ курганахъ. Произведенія этого примитивного искусства, сдѣланыя изъ дерева, исчезли безслѣдно, и обѣ ихъ существованіи мы знаемъ только изъ скучныхъ свидѣтельствъ старинныхъ путешественниковъ; каменныхъ же, глиняныхъ и металлическихъ издѣлій собрано археологами весьма много, но для пріуроченія ихъ къ болѣе или менѣе раннему времени, равно какъ и для опредѣленія ихъ при-

имѣющій ничего общаго съ первоначальною Десятинною церковью, кромѣ названія. Обѣ древнія церкви, Васильевская и Десятинная, были почти одинаковой величины и, представляя въ планѣ продолговатый четырехугольникъ съ тремя выступающими изъ восточной стороны полукруглыми абсидами, вполнѣ подходили къ общему типу византійскихъ храмовъ Х вѣка. Сложенія онѣ были изъ большихъ неотесанныхъ камней и кирпичныхъ плитъ, соединенныхъ толстымъ слоемъ цемента. Самый замѣчательный архитектурный памятникъ разсмотриваемой эпохи въ Киевѣ — Софійский соборъ, заложенный Ярославомъ Мудрымъ въ 1037 г., въ память его победы надъ печенѣгами. Въ теченіе почти девяти столѣтія своего существованія, храмъ этотъ часто подвергался грабежамъ и опустошенніямъ, былъ близокъ къ разрушению, а потому искаженъ пристройками и надстройками. Внѣшность его сдѣлалась николько не похожа на прежнюю, но въ его внутренности сохранилось многое отъ первоначального сооруженія и древніхъ украсеній. Въ своемъ планѣ, онъ представлялъ четырехугольникъ, почти квадратъ, раздѣленный столбами на пять кораблей, изъ которыхъ средний шире остальныхъ. Каждый корабль оканчивается съ востока полукруглой абсидой, и всѣ корабли пересѣкаются трансептомъ, отдаленнымъ отъ крайнихъ изъ нихъ парами колоннъ. Надъ западнымъ концомъ четырехугольника устроена верхняя галлерея (хоры). Все зданіе увѣнчивалось большимъ куполомъ на барабанѣ надъ среднимъ пространствомъ и двѣнадцатью меньшими главами надъ западною и восточною частями. Къ сѣверо-западному углу собора примыкаетъ башня, заключающая въ себѣ лѣстницу, ведущую на хоры; вѣроятно, она сообщалась со стоявшимъ нѣдалекѣ велиокняжескимъ дворцомъ. Другая башня у юго-западнаго угла, также съ лѣстницей, составляетъ, повидимому, пристройку XII в. Всего любопытнѣе въ Киево-Софійскомъ соборѣ — древнія мозаики и фрески, уцѣлѣвшія на его стѣнахъ. Въ абсидѣ главнаго алтаря, въ верхней части полусферического свода, изображенъ мозаичною работой на золотомъ фонѣ колоссальный образъ Богоматери во весь ростъ, стоящей на четырехугольномъ, украшенномъ жемчугомъ и драгоценными каменьями помостѣ и молитвенно воздѣвшей свои руки. Это изображеніе, извѣстное въ народѣ подъ названіемъ «Нерушимой Стѣны», окаймлено орнаментомъ позднѣ-византійскаго стиля и надписью на греческомъ языкѣ. Подъ нимъ тянется, въ видѣ фриза, мозаичная же картина, символически представляющая таинство Евхаристіи: въ срединѣ — церковный престолъ, освященный киѳоремъ; подѣлѣ него, справа и слѣва, стоятъ по ангелу съ рипидою въ рукахъ; изображеній дважды Спаситель, отступивъ отъ престола, въ правой части картины преподаетъ шестерымъ подходящимъ къ нему апостоламъ Пречестную Кровь, а въ лѣвой части, другимъ шести апостоламъ — Пречестное Тѣло. На золотомъ фонѣ этого фриза, вверху, начертаны слова Спасителя, устанавливающія таинство причащенія. Еще ниже, помѣщены колоссальныя фигуры святыхъ, во весь ростъ, сохранившіяся только по плечи или по поясъ. Кромѣ главной абсиды, мозаиками были украшены и другія мѣста храма: главный куполь — поясныи изображеніемъ Христа-Вседержителя и четырьмя фигурами ангеловъ, барабанъ купола — лицами апостоловъ, такъ назывы. тріумфальная арка — иконами Христа, Богородицы и Иоанна Крестителя (Деніуса) въ медальонахъ, столбы этой арки — «Благовѣщеніемъ» и т. д. Нѣкоторыя изъ этихъ мозаикъ осыпались, другія уцѣлѣли только отчасти и впослѣдствіи реставрированы масляною краскою, но доселѣ свидѣтельствуютъ о бывшемъ великолѣпіи собора. Сочиненіе, рисунокъ, типы, краски, техника набора и самое размѣщеніе этихъ изображеній по храму — чисто византійскіе, наглядно доказывающіе, что исполнены они прѣжнimi греками, которые даже снѣдили ихъ надписями на своемъ языкѣ. То же самое должно сказать и фрескахъ, въ изобилии покрывавшихъ стѣны собора, долго скрывавшихся подъ слоемъ штукатурки и лишь недавно очищенныхъ отъ нея и отъ неискусственныхъ записей. Они изображаютъ эпизоды житія Богородицы и земной жизни Спасителя, дѣянія св. апостоловъ и великомученика Георгія, вѣхозавѣтныя сцены и фигуры (въ ростъ или по грудь) пророковъ и другихъ святыхъ. Особенно интересны фрески, покрывающія собою стѣны и столбы обѣихъ лѣстницъ, ведущихъ на хоры; здѣсь изображены охота на разныхъ звѣрей, представлѣнія въ гипподромѣ, праздничныя увеселенія восточныхъ императоровъ — сцены, знакомящія насъ со многими частностями константинопольской придворной жизни. Кромѣ Софійскаго собора, въ Киевѣ есть еще нѣсколько церквей, основанныхъ въ XI и XII в., но ни одна изъ нихъ не дотла до насъ въ первоначальномъ видѣ. Отъ Успенскаго храма въ Печерской лаврѣ (XI в.), нѣкогда блестившаго «золотомъ и мусей», остались только голыя стѣны, состоящія изъ центральной части собора новѣйшей постройки. Въ церкви Михайловскаго Златоверхаго монастыря, выстроенного въ XII в., этому времени принадлежать лишь стѣны до нѣкоторой высоты, три алтарные абсиды и главный куполъ; отъ всего ея древнаго убранства сохранились частями мозаики средней алтарной ниши, изъ которыхъ меньше прочихъ повреждена изображающія таинство Евхаристіи — близкое подражаніе мозаїкѣ того же содержанія въ Софійскомъ соборѣ; въ отношеніи стиля и техническаго исполненія, она гораздо хуже этой послѣдней, что, вмѣстѣ съ сопровождающими ее уже не греческими, но славянскими надписями, даетъ поводъ предполагать, что она — произведеніе не византійскихъ мастеровъ, а ихъ русскихъ учениковъ. Въ церкви упраздненного Кирилловскаго монастыря уцѣлѣли стѣны до сводовъ и основаніе барабана подъ главнымъ куполомъ, а также фрески, писанные также русскими художниками, которые видимо уже до нѣкоторой степени освободились отъ рабскаго подражанія своимъ византійскимъ наставникамъ и вносили въ искусство свои личныя наблюденія надъ дѣйствительностью. Въ та-